

УДК 821.161.1

Куркина Т.Н.

Воронежский государственный университет

СЕМАНТИКА ДОБРОДЕТЕЛИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА

T. Kurkina

Voronezh State University

SEMANTICS OF «VIRTUE» IN RUSSIAN LITERATURE OF 18TH CENTURY

Аннотация: В статье выявлены разные смысловые грани понятия «добродетель» и обозначена взаимосвязь этических концепций русских писателей XVIII в. с отдельными элементами языческой и христианской морали. Осмыслен вопрос о влиянии идей Просвещения на морально-нравственные категории русской литературы, среди которых, безусловно, центральное место занимает понятие «добродетель». Как показало исследование, главенствующее место в произведениях писателей рассматриваемого периода занимает понятие нравственной и гражданской добродетели, реже встречается понятие национальной добродетели, довольно часто употребляется понятие женская добродетель в значении целомудрие. Понятие «добродетель» чаще всего используется в стиле высокой речи, реже в ироничном контексте среднего стиля.

Ключевые слова: добродетель, грех, языческая и христианская мораль, Просвещение, религиозные аспекты мировоззрения художника.

Abstract: This paper identified different semantic aspects of the concept of “virtue” and denoted the relationship of ethical concepts of Russian writers in the 18th century with individual elements of pagan and Christian morality. The author analyzed the influence of the Enlightenment on the moral category of Russian literature, among which, of course, central one is the concept of “virtue.” The study showed that the predominant place in the works of writers of the period belongs to the concept of moral and civic virtue, less common is the notion of national virtue, quite often the concept of female virtue is used in the meaning of chastity. The concept of “virtue” is most often used in high style of speech, sometimes in an ironic context of medium style.

Key words: virtue, sin, pagan and Christian morality, Enlightenment, religious aspects of the worldview of the artist.

С понятием «добродетель» в древнем и новом мире неизменно связывались положительные качества личности. На этические представления русских писателей XVIII в. повлияла главным образом языческая и христианская мораль. Языческие концепции этики наиболее разработаны у философов Древней Греции. В них основными были четыре добродетели: мудрость, мужество, справедливость и умеренность. Список этических правил иудаизма представлен в Ветхом завете. Обычно «различают Культурный Декалог (Исх. 34: 12–26), трактующий отдельные стороны богослужения, и Этический Декалог (Исх. 20: 2–17), касающийся отношения людей к Богу и их отношений друг к другу» [1, с. 90]. В Этическом Декалоге принято выделять три группы. Первые четыре заповеди определяют отношения избранного народа к Богу, последующие три заповеди предписывают нормы общения между людьми и оставшиеся три упорядочивают собственнические отношения. Христианская эпоха в преобразованном виде вбирает ветхозаветные принципы и выдвигает свои специфические добро-

© Куркина Т.Н., 2011.

Статья подготовлена в рамках проекта 2.1.3/12071 «Универсалии русской литературы (XVIII – начала XX вв.)», поддержанного грантом Министерства образования и науки РФ.

детели: вера, надежда, любовь. В христианской культуре возникает понятие «святости» и более детально, чем в ветхозаветные времена, разрабатывается понятие «греха». Так, в разных местах Евангелия приводятся перечни пороков, то есть поступков, считающихся греховными (Рим. 1: 29–31 /23 порока/; Рим. 13: 13 /6/; 1 Кор. 5: 10–11 /6/; 1 Кор. 6: 9–10 /10/; 2 Кор. 12: 20 /11/; Гал. 5: 19–21 /17/). Всего упоминается 73 греховных дела. Что касается перечня добродетелей, то в Новом Завете встречается всего три их списка (Гал. 5: 22–23 /9/; 1 Тим. 6: 11 /6/; 2 Пет. 1: 5–7 /8/), в которых поименовано 23 добродетели. Асимметрия грехов и добродетелей в Новом Завете обычно трактуется как характеристика сил зла в земном мире и несовершенства природы падшего человека, которому необходимо через покаяние и очищение восстановить утраченную связь с Богом, то есть обрести свое духовное естество, это и есть высоконравственный, добродетельный, истинный путь жизни.

В художественных и публицистических текстах русской литературы XVIII в. довольно часто встречается слово *добродетель*. В большинстве контекстов оно означает высокое понятие, связанное с глубинными религиозными переживаниями. Для писателей XVIII в. непререкаемой истиной было само существование некой подлинной реальности духа, где находятся сферы высших и низших ценностей, то есть добра и зла. Совершенно очевидным для них было и то, что *добродетель* – это свойства души и поведенческие правила, соответствующие нравственному закону, данному людям Богом для разумной жизни. Писатели XVIII в. были убеждены, что добродетель есть опора и созидательная основа земного существования, с ней сопряжено счастливое бытие человека. Например, у Державина: *добродетель красотой / Своею собственной сияет; / Пускай несчастье помрачает, / Светла она сама собой...* [2, с. 310] или *Что сердца моего товаров / За деньги я не продаю, / И что не из чужих анбаров / Тебе наряды я крою. / Но, венценосна добродетель!* [2, с. 113]; у Дмитриева: *Спокойно жизни путь свершает добродетель...* [3, с. 235]; у Карамзина: *О ты, которая была / В глазах моих всегда прелестна...* [6, с. 291], *Твоей, о Добродетель! Власти / И, блеском счастья ослеплен...* [6, с. 294], *в несчастьях жизни сей тобой утешен, Добродетель!..* [6, с. 294].

Согласно своим религиозным воззрениям, художники слова полагали, что *добродетель* обитает в сердце, в душе человека. Тем не менее, идеальным для них было совмещение внутренней и внешней красоты. Крылов в «Почте духов» отмечал: *природа одарила его столь выгодную наружностью, под кою должна храниться истинная добродетель...* [7, т. I, с. 59]. Дмитриев об этом же вздыхает в послании «К Г.Р. Державину (по случаю кончины первой супруги его)»: *Сколь часто, быв ее деяниям свидетель, / В восторге мыслил я: «Краса и добродетель! / Ах, если бы всегда встречались вместе нам!»* [3, с. 118].

В художественных текстах добродетель часто встречается в паре с пороком или грехом, который влечёт за собой ту или иную разрушительную стихию, несущую страдания и смерть. В понимании русских писателей добродетель – это прежде всего воздержание от греховных страстей: сребролюбия, зависти, злобы, блуда и т.д. Державин в «Фелице» восклицает: *Пашей всех роскошь угнетает. – / Где ж добродетель обитает?* [2, с. 100]. В послании «К Скопихину» поэт протестует против размывания границ между добром и злом: *И добродетель злом зовет. / Но нет! Она в себе одной / Все блага смертных заключает; / Уча их оценивать собой, / Тем лавр и пальму доставляет, / Кто мог без зависти терпеть / На злато равнодушно зреть...* [2, 291]. Фонвизин в басне «Путешествие в город благополучия» рассуждает о тех людях, «которые хотят идти добродетельным путём и достигнуть благополучия, однако роскошь препятствует их желанию» [10, т. I, с. 376]. В комедии «Корион» он указывает на достаточно распространенную жизненную параллель – развратные и добродетельные люди: *Развратны люди есть; но всякий ли таков? / Я*

много раз бывал и сам тому свидетель / Что многими ещё хранится добродетель... [10, т. I, с. 23]. В «Недоросле» драматург выстраивает ту же параллель, отмечая при этом, что наиболее страшно, когда пороку подвержена женщина, жена, мать, тогда «вместо кротости, чистосердечия, свойств жены добродетельной, муж видит в душе своей жены одну своенравную наглость, а наглость в женщине есть вывеска порочного поведения. <...> И какого воспитания ожидать детям от матери, потерявшей добродетель? Как ей учить их благонравию, которого в ней нет?» [10, т. I, с. 153–154]. Героиня этой комедии Софья вопрошает у Стародума: «Всякий ли человек может быть добродетелен?»; и получает его ответ: *Поверь мне, всякий найдёт в себе довольно сил, чтоб быть добродетельну. Надобно захотеть решительно, и там всего будет легче не делать того, за что б совесть угрызала...* [10, т. I, с. 151]. Здесь же герой указывает на совершенно противоестественное явление, что и сама добродетель может вызвать недобрые завистливые чувства: *Не одной знатности завидуют: и добродетель также своих завистников имеет* [10, т. I, с. 150]. Категория добродетели в «Недоросле» является одной из определяющих мировоззрение героев и исследуется автором всесторонне.

Кантемир на вопрос, что есть добродетель, отвечает по-своему, однако не выходя за рамки христианской морали: *Добродетель есть бежать злой нрав и есть перва / Мудрость не иметь глупости...* [4, с. 318]. В сатире VII «О воспитании. К князю Никите Юрьевичу Трубецкому» поэт вскрывает взаимосвязь добродетели с основополагающими моментами религиозного мировоззрения – совестью и смертью: *Добродетель лишь одна может нам доставить / Покойну совесть, предел прихотям уставить, / Повадить тихо смотреть счастья грудь и спину / И неизбежную ждать бесстрашно кончину...* [4, с. 160]. У Карамзина можно встретить парадигму «добродетель» и «инобытие»: *Любить святую добродетель, / Чтоб рай в том*

мире заслужить, / Где все прошедшее забудем, / Где только милых помнить будем; / А рай мой... там с тобою жить... [6, с. 199].

В литературе XVIII в. остро была поставлена и проблема нравственного выбора, который должен сделать каждый, пришедший в этот мир, так как каждому дарован этот божественный дар свободы. При этом писатели прекрасно осознавали, сколь тяжела эта ноша, как многим она непосильна и как удобопревратна ко греху природа падшего человека. У Державина можно прочесть следующие строки: *Легко злом мир греметь заставить / <...> На зло лишь только бы решиться, / И вмиг соделано оно. Редка на свете добродетель, / И редок благ прямых содетель...* [2, с. 201]. Драматичную картину борьбы с пороками воспроизводит Карамзин в стихах «Протей, или Несогласие стихотворца»: *Не в поле, не в лесах святая добродетель / Себе воздвигла храм: Сократ в Афинах жил, / И в Риме Нума царь, своих страстей владетель, / <...> Не тот герой добра, кто скрылся от порока, / От искушения, измен, ударов рока / И прожил век один с полмертвенной душой, / Но тот, кто был всегда примером для людей / Среди бесчисленных опасных преклонений, / Как мраморный колосс незыблемо стоял, / Стезю правды шел во мраке заблуждений, / Сражался с каждым злом, сражаясь, побеждал...* [6, с. 244]. В своих произведениях Карамзин в сентиментальном ключе часто писал о той отраде, которая заключена в добродетели: *Мы живем в печальном мире, где часто страдает невинность, где часто гибнет добродетель; но человек имеет утешение – сладкое утешение!.. любить друга, любить добродетель!..* [6, с. 135]. Дмитриев в последние годы своего творчества, в двадцатых годах XIX в., напишет четверостишие «Порок и добродетель», в котором уже самим названием будет акцентирована проблема нравственного выбора: *«Я царь земной!» – Порок в надменности изрек. / «А я царю небес мой жребий поручила», – / Смирненно Доблесть говорила. / Решись и выбирай, бессмертный человек!* [3, 235]. Новиков, с некой

долей гуманистической самонадеянности отступая от православного взгляда на природу зла, будет утверждать, что «бесов <...> бояться никакой причины нет, когда он человек честный; ибо добродетельного человека не только мои бесы, но и весь настоящий ад добродетели лишит не может» [8, с. 46].

Совершенно очевидно для писателей XVIII в. и то, что на постулатах добродетели должно быть основано социально-государственное устройство человеческого бытия. В идеологической атмосфере того времени, когда общественно-политические процессы сводились главным образом к укреплению и абсолютизации монархической власти, в литературе облик самодержца чаще всего сопрягался с высокими категориями. Державин в своем «Признании» провозглашал: *Если звуки посвящались / Лиры моя царям, – / Добродетельми казались / Мне они равны богам* [2, с. 342]. Он же в «Фелице» дает совет: *Царевичу младому Хлору / Взойти на ту высоту гору, / Где роза без шипов растет, / Где добродетель обитает, – / Она мой дух и ум пленяет, / Поддай найти её совет...* [2, с. 97]. При этом гуманистические идеи, которые в определённой степени были дороги Державину, вносят некоторое противоречие в его восприятие священного ореола власти монарха. В оде «На рождение в Севере порфирородного отрока» поэт объявляет добродетелью уже не божественное, а человеческое начало: *Но последний, добродетель / Зарождаючи в нем рек: / Будь страстей твоих владетель, / Будь на троне человек!* [2, с. 89].

Фонвизин в «Опыте российского сословника» прямо поучал: *право́та должна быть главная добродетель государя, ибо он своею право́тою властен умягчать излишнюю строгость правосудия...* [10, т. I, с. 230]. Подобные сентенции проповедовал и Карамзин в приветствии «На торжественное коронавание его императорского величества Александра I, самодержца Российского»: *Увы! Зло легче, чем добро! / История тому свидетель; / Но ты отечества отец, / Для подданных второй творец, / С тобою бог и добродетель: /*

Трудись!.. давай уставы нам / И будешь первый по делам! [6, с. 269]. Правда, десятилетие спустя Карамзин имел мужество провозгласить приоритет добродетели над властью монарха. В посвящении московским жителям после освобождения Европы, рассуждая о славе Александра I, он напишет, что надо «любить не власть, но добродетель / И, что победами славна, / Лишь справедливая война» [6, с. 301].

Носителями добродетели в литературе XVIII в. были и выдающиеся деятели государства, правители полководцы, – словом, герои. Державин в «Памятнике герою» утверждал: *Ах, нет! Средь всех народов, веков, / Друзья герои человек / Суть соль земли, во мраке звезды; / Чрез них известна добродетель...* [2, с. 174–175]. Карамзин писал, что «гордость, славолюбие, героическая добродетель есть свойство великого мужа» [5, т. I, с. 704], а Дмитриев в «Послании от английского стихотворца Попа к доктору Арбутноту» восклицал: *О добродетель! Он не изменит тебе; / Он страждет за тебя, тобой и утешаем...* [3, с. 111]. Гражданской добродетелью, по мнению представителей русской словесности XVIII в., в идеале должен обладать каждый гражданин государства. Новиков призывал: *Будьте добродетельны, тогда Вы бедных утешать не посмыслите: делайте им добро по должности всем без изъятия, а не по пристрастию, и пекитесь о благосостоянии их больше, чем о своём...* [8, с. 19]. Фонвизин «истинную неустрашимость души» считал добродетелью подлинного гражданина своего отечества независимо от его звания и должности, а в комедии «Недоросль» его герой Милон произносит следующие слова: *Мне кажется, храбрость сердца доказывается в час сражения, а неустрашимость души во всех испытаниях, во всех положениях жизни, <...> солдат на приступе, человек государственный говорит правду государю, отваживаясь его прогневать. Судья, который не убоился <...> угрозы сильного, отдал справедливость беспомощному, в моих глазах герой...* [10, т. I, с. 158]. Естественно, что идея

гражданского служения вбирала в себя и патриотические чувства, то есть добродетелью почиталась и воинская доблесть во имя государственных интересов страны. В оде «На взятие Измаила» Державина есть такие строки: *О росс! Твоя лишь добродетель / Таких великих дел содетель; / Лишь твой орёл луну затмил...* [2, с. 162]. Однако, несмотря на героический и воинственный характер русской истории, в литературе этого периода не раз отмечалось, что «гостеприимство есть добродетель русских» [5, т. I, с. 468]. «Мы же, – писал Карамзин, – благодарны иностранцам за просвещение, за множество умных идей и приятных чувств, которые были неизвестны предкам нашим до связи с другими европейскими землями» [5, т. I, с. 468].

Характерной чертой литературного процесса XVIII в. была и обличительная направленность многих произведений самых разнообразных жанров. В них обнажались прежде всего отступления людей власти – царя-деспота, лицемерных придворных, невежественных вельмож, неправедных судей, своекорыстных чиновников – от норм гражданской и нравственной добродетели. У Сумарокова читаем: *Вельможа ли, иль вождь, победоносец, царь / Без добродетели презрительная тварь* [9, с. 453]. У Крылова в «Почте духов» – *Неужели должен я почитать за добродетель подлое ласкательство придворного, готового всегда ублажать не только слабости своего государя, но даже тех людей, от кого он надеется получить какое-либо благодеяние...* [7, т. I, с. 36]. У Новикова в журнале «Трутень» – *Перестань знатися по-вашему с учеными, а по-нашему с невеждами, которые проповедают добродетель, но сами столько же ей следуют, сколько те, которых они учат, или ещё меньше...* [8, с. 49]. Там же содержится утверждение о том, что бедный человек «и то в знатном добродетелью почитает, когда не делает он ему зла» [8, с. 19].

Писатели XVIII в. считали, что самое благотворное влияние на распространение правил благонравия оказывает просвещение. К примеру, герой Фонвизина убеждает свою

возлюбленную, что в её сердце он почитает «добродетель, украшенную рассудком просвещения» и добавляет: *Добродетель твоя извлекает силою всё таинство души моей. Если моё сердце добродетельно, если стоит оно быть счастливым, от тебя зависит сделать его счастье...* [10, т. I, с. 158]. При этом Фонвизин прекрасно понимал, какую опасность представляет нравственно неориентированное научное познание. В «Недоросле» его герой-резонёр произносит такие слова: *наука в развращённом человеке есть лютое оружие делать зло. Просвещение возвышает одну добродетельную душу...* [10, т. I, с. 169]. В басне «Спор у наук о первенстве» Фонвизин констатирует: «с ученостью не всегда соединена добродетель» [10, т. I, с. 333].

Неразрывная связь русской литературы XVIII в. с просветительской идеологией привела не только к требованию со стороны писателей развивать образование, установить твёрдые законы, обязательные для всех, но и к признанию естественного равенства людей, внесловной ценности человека. Уже во второй сатире Кантемир объявил, что кровь хозяина и холопа «однолична». Сумароков в сатире «О благородстве» подтверждает это положение ссылкой на Священное писание: «от баб рожденным и от дам без исключения всем праотец Адам» [9, с. 189]. Конечно, до всеобщего признания идеи сословного равенства было еще далеко, но идея равенства людей в моральном плане была уже неопровержимым фактом общественного сознания. Об этом как раз ярко свидетельствуют литературные контексты с понятием «добродетель». Например, басня Фонвизина «Кошка хвастает своим дворянством» содержит мораль о том, что знатной породой гордиться не стоит, «а надобно заслуживать похвалу одною добродетелью» [10, т. I, с. 362]. В комедии «Недоросль» драматург усиливает эту мысль, его герой Стародум говорит, что «в глазах мыслящих людей честный человек без большого чина – презнатная особа; что добродетель все заменяет, а добродетели ничто заменить не может» [10, т. I, с. 154]. Новиков

также пишет о том, что оценивать людей необходимо прежде всего по их нравственным качествам: *во всяком звании есть много людей и добродетельных и порочных, так первые заслуживают по справедливости похвалу, а другие критику...* [8, с. 10]. Крылов со свойственным ему демократизмом открыто отдает предпочтение добродетельным людям низших сословий. «Мещанин добродетельный, – пишет он, – и честный крестьянин, преисполненные добросердечием, для меня во сто раз драгоценнее дворянина...» [7, т. I, с. 205].

Таким образом, в русской эстетике XVIII в. существовал идеал добродетельного человека, которому противостоял образ порочного человека. Новиков в своем журнале «Трутень» тонко высмеивает примитивное представление о том, что литература должна давать исключительно высокие образцы и как можно меньше затрагивать всевозможные отклонения от них, чтобы не вносить смуту в сознание читателя. Вот отрывок из письма, «писанного господину сочинителю “Трутеня” от Тихона Добросоветова»: *доброе сердечный сочинитель, во всех намерениях, поступках и делах которого блистает красота души добродетельного и непорочного человека, изредка касается к порокам, чтобы тем под примером каким не оскорбит человечества...* [8, с. 45]. В конце письма корреспондент делает вывод, что «славный способ исправить слабости человечества» – это представлять читающей публике только примерных героев, в сердце которых нет «ни раскаяния, ни угрызения совести» [8, с. 45]. Однако в приведённом фрагменте показательно то, что саму правомочность таких прямолинейных трактовок характеров героев, как добродетельный и порочный, журналист не ставит под сомнение. Действительно, писатели XVIII в. полагали своим долгом запечатлеть в произведениях прежде всего высокие, идеальные образцы человеческого существования и всячески воспевать добродетель. Державин в оде «На выздоровление Мецената» восклицает: *Не умирает добродетель, / Бессмертна музами она...* [2, с. 96].

Однако есть случаи, когда художники слова XVIII в. использовали понятие «добродетель» и в ироничном контексте. Например, Дмитриев в стихотворной миниатюре «Сверчки» через диалог двух сверчков, живущих в доме судьи, даёт характеристику хозяину: *Нет лучше нашего хозяина на свете! – / Сказал товарищу сверчок, – / Как гнётся, даром что высок! / Какая кротость в нём! Какая добродетель!* [3, с. 222]. Интересна в этом плане и другая миниатюра Дмитриева под названием «Эпиграмма»: *«Кто хочет, тот несчастья трусь! – / Философ говорил. – Ко отвращенью бедства / Я знаю верны средства: / Я в добродетель облекусь».* / – «Ну, подлинно! – сказал невежда. – / Вот сама легкая одежда!» [3, с. 270]. Явная авторская ирония присутствует и в заявлении персонажа одной из пьес Крылова: *Тысяча рублей! Это капитал! Тут никто не устоит, от тысячи рублей редкая добродетель в нынешнем свете не пошатнется* [7, т. II, с. 696].

В ироничном ключе часто высмеиваются женские пороки. Крылов в «Почте духов» успокаивает иностранца строгих правил, побавляющегося русских женщин: *когда поживёте у нас и забудете столь многоуважаемую строгую добродетель* [7, т. I, с. 94]. Далее автор еще в более открытой форме иронизирует: *Как весело разделить время с прекрасною и добродетельною женою, которой нравы со всем согласны с мужниными!* [7, т. I, с. 107]. Подобные пассажи встречаются и в «Письмах русского путешественника» Карамзина: *если бы мы вообще любили добродетель, то милые красавицы из кокетства сделались бы добродетельными* [5, т. I, с. 570]; *Парижская актриса и добродетель: чудная связь! И потому английские лорды со вздохом говоря, что оно – Феникс* [5, т. I, с. 400]. Здесь же можно обнаружить достаточно редкое явление в русской литературе XVIII в., как введение понятия «добродетель» в совершенно приземлённый контекст, то есть употребление его на уровне бытовизма, правда, не без оттенка иронии: *Лёгкость ног есть добродетель почтенная!* [5, т. I, с. 347].

Подводя итоги анализа функционирования понятия «добродетель» в литературе XVIII в., следует отметить, что это многослойное понятие, которое использовалось в достаточно широком диапазоне значений: главенствующее место занимало понятие нравственной и гражданской добродетели, реже встречалось понятие национальной добродетели. Довольно часто употреблялось понятие женская добродетель, которое было равнозначно целомудрию. При этом понятие «добродетель» чаще всего использовали в стиле высокой речи, реже в ироничном контексте среднего стиля.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гак В.Г. Актантная структура грехов и добродетелей // Логический анализ языка: Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 90–96.
2. Державин Г. Р. Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1957. – 472 с.
3. Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений. – Л.: Советский писатель, 1967. – 502 с.
4. Кантемир А. Д. Собрание стихотворений. – Л.: Советский писатель, 1956. – 544 с.
5. Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2 т. – М.; Л.: Художественная литература, 1964.
6. Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений. – Л.: Советский писатель, 1966. – 424 с.
7. Крылов И. А. Полное собрание сочинений: В 3 т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1945.
8. Новиков Н. И. Избранные сочинения. – М.; Л.: Гослитиздат, 1951. – 744 с.
9. Сумароков А. П. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. 609 с.
10. Фонвизин Д. И. Собрание сочинений: В 2 т. – М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959.